

Лев Федоров. Лекция о ВПК в Иркутской области

Поскольку взрослым я стал при товарище Сталине, а память еще не потерял, то многое за отчетный период осталось в памяти. Вот одна из таких зарубок.

Четверть века назад один человек, который тогда исполнял должность генерального секретаря ЦК КПСС, его звали Андропов Юрий Владимирович, сказал такую фразу: «Мы не знаем страны, в которой живем». Мы с вами не знаем страны - это понятно, а когда многолетний председатель КГБ говорит, что он не знает своей страны, - это грустно. Не самый худший был председатель КГБ, не самый плохой. А я начал интересоваться не известной мне стороной своей страны, где-то с середины 1980-х годов, причем довольно случайно. Я был в Финляндии, в г. Турку. Там, за вкусным обедом декан местного университета меня спрашивает на хорошем английском языке: «Ну как у вас там дела с диоксинами?» Вы правильно хмыкаете, диоксинов у нас в стране тогда в 1984 году «не было», чтоб все понимали. И я это слово услышал впервые. Я, доктор разных наук, слышал это слово впервые. Такая вот загвоздка тогда возникла. Ну а кончилось все это тем, что в 1993 г. вышла моя монография по диоксидам. Я думаю, до сих пор это единственная научная монография по диоксидам на русском языке.

Ну, а теперь обратимся к нашей теме - как мне видится военно-промышленный комплекс (ВПК) в Иркутской области, как он тут жил, живет и как он наследил. Сложность состоит в том, что у нас уже научились произносить выражение «ВПК», но еще не научились его делить на отряды и подотряды. А на самом деле его надо подразделять. Почему? Потому что у нас вся страна была захвачена ВПК. 70% любого объема любого производства было секретной областью ВПК. А для наших сегодняшних задач только отдельные фрагменты ВПК важны. Вот я для себя выделил военно-химический комплекс. Это отдельный, независимый от других комплексов, некая корпорация, которая жила и сегодня живет своей личной жизнью. Военно-биологический комплекс – то же самое, возник он одновременно с военно-химическим комплексом, т.е. еще в 1920-е годы. И тут то же самое - пока их не прижали, они определяли немалую часть нашей жизни. Про военно-ядерный комплекс я говорить не буду, так как следующий лектор будет говорить об этом подробно. Еще можно упомянуть военно-ракетный (или военно-космический) комплекс. Он тоже здесь побывал, до сих пор находится, и тоже наследил. Ну и, может быть, военно-металлургический.

Начнем с военно-биологического комплекса, но не про всю страну - вы захотите обедать гораздо раньше, чем я исчерпаюсь.

Захотела наша родная пролетарская власть иметь биологическое оружие в 1920-х годах. Разумеется в Москве, где же еще. И в Москве начали создавать боевые формы сибирской язвы. Не эти вот кожные, коровьи, а именно боевые формы сибирской язвы - то есть легочные, которые можно направить в стан противника с помощью боевых средств, в частности, артиллерийских снарядов или авиабомб. Делали они это прямо посреди города Москва примерно с 1925 года. И пока их не выселили из Москвы, примерно так в 1934 году, они этим спокойно и занимались. Зимой 1933-1934 годов у них сотрудница умерла, та, которая делала боевую форму. Той зимой, в 1933 году, наркому Ворошилову предложили поставить на вооружение Красной Армии вещество № 49 - это и была сибирская язва. В 1925–1927 годы на окраине Москвы на военно-химическом полигоне «Кузьминки» эту сибирскую язву испытывали. Однако не было у военных биологов покоя на душе и решили они в 1929 году найти себе остров где-нибудь в России, где можно было бы стрелять. В Москве все-таки стрелять неудобно, а особенно сибирской язвой, даже в Кузьминках не получалось. И они поехали на Байкал в 1929 году. Нашли Ушканьи острова. Хорошо провели там время. А потом посмотрели - очень длинное расстояние, до Москвы далеко. Поэтому вам повезло, могу честно сказать, добра бы от этого не было. Короче говоря, нашли себе два других острова: остров Городомля на озере Селигер и остров Возрождения на Аральском море. Вот эти острова военные биологи и оккупировали. Кто видел картину "Утро в сосновом бору" Шишкина? Это остров Городомля. Там интеллигенция наша до 1917 года отдыхала. Биологи военные его захватили, и там до войны у них была на снабжении вся живность, от крыс вплоть до верблюдов.

На втором - острове Возрождения - они опыты ставили, а на Городомле снарядами с сибирской язвой стреляли. Пока с Возрождения их не выгнали зимой 1991-1992 гг., так как теперь этот остров принадлежит другой стране.

Кончилось тем, что надо было построить предприятия по производству боевой формы сибирской язвы, то есть бактерии для наполнения бомб делать. Снаряды - это глупость, и любой биолог скажет, что биологическая война - это стопроцентная глупость: если вы кидаетесь снарядом, то болезнь немедленно вернется к вам же. Например, в 1942 году так и было, когда мы в тяжкое время Сталинградской битвы хотели у немцев навести порядок и туляремию им закинуть с помощью зараженных крыс с озера Селигер (при другом историческом раскладе они могли оказаться и с Байкала). Но... Крысы какие-то непатриотичные оказались, они вернулись к нам. Так что к началу Сталинградской битвы у нас многие заболели туляремией - нашей собственной.

Вернемся к сибирской язве. Построили заводы в Пензе и в Кургане с гигантскими реакторами на задних дворах для выращивания этих бактерий. А еще решили - давайте-ка мы целую отрасль промышленности сделаем. И вот так появился Главмикробиопром при Совете министров СССР. В нем было несколько предприятий белково-витаминных концентратов (БВК) – один в г.Кириши, Ленинградской области, а второй - в городе Ангарске, вашей родной области. Как им это удалось? Наверное, Никиту Сергеевича, нашего любимого говоруна, убедили в том, что коров можно не по полям водить, а держать в стойле и кормить всякими там концентратами. Военным это несложно объяснить человеку, не очень грамотному. И он дал согласие, и по стране было много таких предприятий. Они хороши тем, что производят что-то в мирное время, но являются предприятиями двойного назначения, как ваш комбинат в Ангарске. Это было предприятие, которое предназначено на случай войны с использованием биологического оружия, в реакторах выращивать бактерии разные. В первую очередь, сибирскую язву, туляремию и, по-моему, холеру и чуму.

Я не против того, чтобы в промышленных условиях производить корма для сельскохозяйственных животных. Об этом нет и речи. Речь идет о другом, о том, что в октябре 1988 года был выброс с этого предприятия. В те три дня там дышать было невозможно, люди обращались в больницы, кто-то умер от удушья. Что это означает? Ходим мы под Богом, это случилось в мирное время, а в случае чрезвычайной обстановки, они могли выбросить там совсем другое. Вот поэтому это предприятие было опасным до тех пор, пока мы не вышли из биологической войны, а это случилось где-то в начале 1990-х годов, при Горбачеве.

Последний штрих из жизни военно-биологического комплекса. Штрих такой – один большой начальник из советского военно-биологического комплекса сбежал в Америку и наговорил много всяких секретов. Один из секретов такой, что в Советском Союзе был единственный склад биологического оружия. Он назвал города Саянск и Зима. Склад, конечно, был не в Зиме, подальше. Я так думаю, что тот сбежавший начальник на этом складе не был, поскольку это был военный склад, а не гражданский, а он служил по гражданской линии. И уверен, что сейчас уже этот склад не работает, и, может быть, никто из вас о нем уже не дознается. Просто хотел сказать, что военно-биологический комплекс занимался Иркутской областью и она у него была не на последнем месте.

Переходим к военно-химическому комплексу.

Мы сейчас все вспоминем 1937 год. Так вот, в 1937 году, чтобы посадить маршала Тухачевского, маршал Ворошилов и маршал Буденный обвинили Тухачевского в том, что он прячет на военно-химическом полигоне в Кузьминках оружие для борьбы против Советского правительства. И в начале октября, т.е. ровно 70 лет назад, начались раскопки в поисках этого оружия. Но там произошло несогласование, т.е. приказ был отдан, люди выделены, раскопки назначены, а к этому времени уже обстоятельства изменились: Тухачевского и осудили, и расстреляли в ту же ночь. Но не останавливать же процесс, оружие все равно надо найти! Были раскопки, нашли 946 бочек с ипритом, сотни баллонов с хлором, фосгеном, с синильной кислотой - все нашли. Врагов нашли, понаписали, кто во всем виноват. Не нашли только одного – оружия, закопанного для борьбы с Советским правительством. Чего не было, того не было. Почему я об этом говорю? В Москве было 4 завода химического оружия. А между двумя войнами химическое оружие было в основном на основе мышьяка. Т.е. люизит в первую очередь и остальной мышьяк в виде дифенилхлорарсина, адамсита и т.д. Было еще отравляющее вещество на основе серы - иприт. Все заводы химического оружия г. Москвы не только Москву-реку и воздух отравляли, они отходы химического производства закапывали на этом полигоне. Во время этих раскопок октября-декабря 1937 года выкопали мышьяковых отходов на целый эшелон. Этот эшелон им хотелось сначала на море отправить и затопить, а в это время уже всю работу трест «Союзмышьяк», который специально был создан советской властью для того, чтобы добывать мышьяк для изготовления химического оружия. Поэтому руководство треста сказала, что это глупости, топить никакие отходы раскопанные мы не будем, решили этот эшелон отправить в Иркутскую область на Ангарский химический завод, он располагался в городе Свирске (кстати, тогда в переписке его часто именовали Ангарском).

В конце советской власти завод назывался "Востсибэлемент". То есть на этом заводе примерно с 1934 года и вплоть до 1949 года превращали в белый мышьяк мышьяковое сырье, собранное со всех рудников страны. В 1949 году закончили работать, изгадили все мышьяком, абсолютно все, что можно. И после 1949 года, если я правильно понимаю, тот мышьяк, который у них остался, жил в виде мобилизационного государственного резерва. В 1949 году они перестали делать мышьяк, не потому, что мы отказались от химической войны, а потому, что в то время мы взяли курс на фосфорные отравляющие вещества нервно-паралитического действия - зарин и зоман. А в 1949 году, когда взорвали первую бомбу, деньги ушли на ядерную бомбу и ракеты и от химии на время отошли. Так и остался этот завод брошенным с 1949 года. Жители ничего об этом не знали. Только в 1989 году, об этом сказали начальству, что тут какие-то захоронения мышьяка остались. А говорить о нем и думать, что делать дальше, начали, конечно, позже, т.е. уже в 1995 году, когда местные люди захотели куда-то избираться, надо было «трещать» на какую-то тему, а кроме как о том, что город погибает от мышьяка, вроде «трещать» было не о чем. И они начали говорить, что вот этот завод находится в 200 метрах и от реки, и от города, и от садовых участков. Называют 130 тонн мышьяка. Там два типа отходов: сами мышьяковые отходы и оборудование, загаженное мышьяком. В целом оказалось, что мышьяк понемногу двигается. Во-первых, уже за отчетный период он прошел по вертикали глинистые слои и перешел в песчаные. А раз попал песчаные слои, значит, скоро в подземной воде будет растаскиваться. А во-вторых, дожди идут и отходы в 200 м от реки размываются по горизонтали. Город Свирск – это стопроцентный пример следствия антиэкологической активности военно-химического комплекса. И, кроме разговоров депутатов, которым надо время от времени избираться, пока мне не доводилось слышать главное - что выделены деньги на полную реабилитацию города. Эта проблема пока не решена.

Вы молодцы, что воюете против трубы нефтяной и против Ангарского ядерного центра. Я просто хотел бы расширить горизонт и сказать, что еще есть химия, еще есть биология, еще у нас есть алюминий, то есть экологических задач, если вы захотите, гораздо больше.

Почему я немного сейчас в эту сторону отвлекся? Если бы здесь сейчас стоял не я, а Яблоков, он бы сказал, что у нас в стране люди не доживают до пенсионного возраста. В Японии средний пенсионный возраст - 83, а у нас нет и 60. Почему? Яблоков тут же бы сказал, что мы все дышим грязью всякой, а когда вы начнете расшифровывать грязь, вы обнаружите, что грязь эта химическая. Я не хочу вас отвлекать от ядерных проблем, просто я хочу сказать, что эколог, который глядит на страну как патриот, должен понимать, что основная отравка, которую мы потребляем из воздуха, носит химическое происхождение.

То, что мы сдвинулись немножко в сторону ядерной проблематики, этому есть прямая причина - это 1986 год, Чернобыль. А вы поезжайте в Индию и спросите про антиядерное движение в Индии. Найдете вы такое движение? Не найдете, потому что у них был свой «Чернобыль», но он был химический в 1984 году. Это Бхопал. Поэтому я призываю вас рассматривать страну немножко более комплексно.

Разберем следующий химический эпизод.

До войны в Усолье-Сибирском начали строить химический завод. А во время войны один из заводов химического оружия в Тульской области из-за того, что линия фронта подошла ближе, пришлось эвакуировать. Эвакуировали его как раз в Усолье-Сибирское. К счастью, до реального производства химоружия тогда дело не дошло. Но если вы посмотрите на производственный план этого «Химпрома», вы увидите: хлор, хлористый винил, карбид кальция и каучук. Перевожу на русский язык: когда производят хлор, хлористый винил и каучук, это означает, что они имели мобилизационные цеха по производству иприта. Путин закрыл эти цеха. Не Ельцин, а Путин (по чисто экономическим соображениям - дорого стоит содержать бездействующее оборудование и бездействующих людей). Эти цеха стояли в бездействии на боевом посту до самого последнего момента, до начала нынешнего тысячелетия. А когда я произнес слово «карбид» в придачу к свирскому мышьяку, это значит у них был мобилизационный цех по производству люизита. Сто процентов! Потому что карбид - это ацетилен, как раз он и нужен для производства люизита. Этот завод в Усолье-Сибирском был заточен на химическое оружие. Что мы имеем в результате? Отходы, которые где-то валяются, размываются и попадают в реки. То есть этим заводом надо плотно заниматься.

Еще у нас есть Саянский «Химпром», который находится возле Зимы. На что он был заточен, я не могу вам сказать, это какая-то другая химия. А еще к военно-химическому комплексу я бы прибавил пресловутый Байкальский ЦБК. Когда мне было лет на 30 меньше, я помню, как интеллигенция наша боролась за спасение Байкала. Вы лучше меня расскажете, как это все было. И там был один эпизод, который очень важен для нашего разговора. Интеллигенция тогда бы, конечно, не победила. Почему? Потому что этот завод строили военные для себя. Им нужен был корд для шин военных самолетных. Поэтому они хотели использовать чистую воду. Пока интеллигенция шумела, со строительством произошла задержка, военные нашли другое

решение своей кордной проблемы, построили завод в другом месте. Но начальство не остановило строительство БЦБК и совершило глупость, с которой вы боретесь и будете бороться. Но это тоже осколок военно-химического комплекса.

Давайте перейдем к военно-ракетному комплексу.

Страна наша была напичкана ракетными дивизиями стратегического назначения. То есть вокруг вас все области имели такие дивизии: и Читинская, и Красноярская, и Новосибирская - все, кроме вас. Иркутской области ракет не досталось. Почему? Чтобы вероятный противник в один из своих ответных ракетно-ядерных ударов не долбанул по Иркутской области. Потому что надо было спасти завод по производству ракетного топлива в Ангарске. Он должен был быть вне взглядов всяких разведок. Так же, как завод в Салавате, в Башкирии. С.П.Королев отчаянно боролся против гептила, этого жидкого и очень токсичного военного топлива, но умер в 1965 г., а его последователям очень хотелось иметь гептил, как ракетное топливо для стратегических ракет, и где-то после 1966 года где-то на задворках нефтехимического комбината в Ангарске появился цех. И производил он гептил все время, пока мы (особенно экологи) не начали трещать, что гептил - это плохо и что вообще у нас сейчас накоплены гигантские стратегические запасы, 8 складов. А дивизий ракетных у нас было больше 40, так что еще и дивизионные склады были. В общем, страну гептилом загадили и, в первую очередь, это конечно же города Салават и Ангарск. И вот даже в книжке, где про Ангарск несколько страниц написано, также написано «в воздухе мы находили нитрозодиметиламин». Перевожу на русский язык. Когда гептил улетает в большом количестве, он разлагается на два вещества: одно - нитрозодиметиламин, второе - тетраметилтетразен. Так вот, нитрозодиметиламин – это отчаянный мутаген и если вы полезете в настоящие, честные медицинские сводки, то онкология в Ангарске должна быть самая неудачная по сравнению с любым городом. Значит, вот так военно-космический комплекс обошелся с Иркутской областью.

Осталось поговорить о металлургии.

Когда я был совсем маленький, то помню из газет «Даешь Сталинградскую ГЭС!». Я был рад, что мы перекрыли Волгу, ГЭС построили. И только потом я узнал, что Сталинградскую ГЭС построили для двух вещей: нужен был Сталинградский алюминиевый завод и Сталинградский завод химоружия. Ныне вряд ли вы помните, что есть такой алюминиевый завод. А химический завод в Волгограде тоже закрыли в прошлом году (военную часть). Значит, Сталинградскую ГЭС зря построили, затопили левый берег зря! Рыбу проходную зря остановили!

Когда я уже был среднего возраста, я радовался, что построили Иркутскую ГЭС и Братскую. И то и другое построили лишь для того, чтобы иметь Иркутский алюминиевый завод и Братский, а еще - гигантское производство хлора в Усолье с использованием ртути в виде электрода. Но мы сейчас говорим об алюминии для военных самолетов. Производство алюминия неприятно тем, что, во-первых, мы строим ГЭС, затопляем берега, мешаем рыбе жить. А во-вторых, во время производства алюминия фтором загрязняется весь город и дети болеют флюорозом. И вот я радовался тогда, когда появились эти два алюминиевых завода. А сейчас мы с вами находимся на хвосте тех событий. Современные самолеты не имеют ни одного грамма алюминия. Ушла промышленность в другую сторону, самолеты летают без алюминия. Военные наши перестали пользоваться алюминием давно, лет 20 назад, они перешли на титан. Современная Россия производит алюминий как хвост от советской власти и 90% алюминия отправляет за рубеж, потому что не нужен нашей стране этот самый алюминий в таком количестве. Вот бирочки номерные на автомобилях - там есть алюминий, но мы получаем эти бирочки из Норвегии. Мы не сами их делаем. Получается, что алюминий из страны уходит как сырье.

Давайте вернемся к Богучанской ГЭС. Когда она начинала проектироваться и строиться, в 1970-1980-е годы, власти еще думали о том, что в будущем нужен алюминий. Но теперь он не нужен. Богучанская ГЭС не нужна не только потому, чтобы не затопить среду обитания местных жителей. Она вообще не должна строиться, в принципе, и алюминиевый завод не должен строиться, потому что те, кто это делает, живут мыслями как бы вернуть советскую власть. Нынешней стране это не нужно. Алюминий на Западе в среднем нужен, но они делают его не в таких масштабных количествах. Это наш военно-металлургический комплекс думал далеко вперед. Мы сделали алюминия больше, чем нашей стране нужно, даже для войны! Титановые заводы наши никто никаким Дерипаскам не отдавал. Просто я это все сказал к тому, что стратегию надо обновлять - алюминиевая стратегия кончилась, ее надо закрывать, она даже не тактика. Поэтому Богучанку надо закрывать - саму идею, с самого начала.

В заключение обратимся к результату деятельности ВПК - проблеме «химия и жизнь».

В любом справочнике найдете, что самое большое количество городов, где химии больше всего, - это в Иркутской области. Я перечислять все не буду, вы это лучше меня знаете. Все это связано с тем комплексом заводов, о которых мы говорили. Теперь вернемся к Ангарску.

Единственный город в Иркутской области, который находится под наблюдением секретной медицины – это Ангарск. Вы знаете, что у нас за экологическим состоянием во всех городах наблюдает (или делает вид, что наблюдает) - санитарно-эпидемиологическая служба. В 1968 – 1969 годах из нее была выделена военная составляющая, так называемое Третье главное управление при Минздраве СССР, ныне Федеральное медико-биологическое агентство. И вот оно наблюдало за секретными объектами, то есть за заводами химического оружия, ракетными, ядерными, биологическими. И единственный город, где эта служба капитально обосновалась - это город Ангарск. Это филиал № 5 Московского института биофизики. Он там поселился, по моему, в 1986 г., а гептил выбрасывали в воздух с 1966. Так что 20 лет там никто не следил за гептилом.

Когда закладывали Ангарск, допустили серьезный просчет. Вот какой. Приведу для примера Москву. Я живу на юго-западе и ветры у нас дуют с юга на север. Когда у начальства вернулись мозги на место, промышленность все-таки старались на севере Москвы размещать, чтобы воздух грязный выдувался из Москвы. Поэтому там, где я живу, нет промышленных зон. А когда закладывали промышленность в Ангарске, разумеется, об этом не думали, и поэтому, насколько я понимаю, промышленные предприятия находятся на востоке, северо-востоке, юго-востоке, и 48% ветров дует от промышленности прямо на город, на жилые кварталы. Есть еще одна тонкость: есть города, где ветры дуют все время, а есть города, где ветры дуют не всегда. Так и в Ангарске создаются застойные явления, когда очень загрязненный воздух из промышленных районов скапливается над жилыми домами, посреди жилых кварталов. Прошу прощения, что я все это вам рассказываю, я никогда не был в Ангарске, я вычитал все это в книге. Это медики секретные, когда заявили сюда, обнаружили, что город построен неправильно. Первое – роза ветров не учтена, второе - не учтено, что там есть застойные явления. А против природы не попрешь, даже если весь Гринпис мобилизовать, мы глобальное потепление не остановим. Но есть и третья составляющая в Ангарске, которая уж совсем плоха. Ясно, что над любым городом, где химия выбрасывается, а солнце начинает греть, возникает смог. На Туманном Альбионе, кроме метафоры, ничего не осталось – избавились там от источников и нет смога, а у нас он есть во многих местах. А город, единственный в стране, где происходят не только фотопреобразования, а ещё и химические преобразования в атмосфере, когда из токсичных выбросов образуются новые токсические вещества, – это Ангарск. Это тоже я вычитал из этой вот книжки.

Я такой вот диагноз поставлю, не сердитесь на меня. Ангарск - больной город. Все это надо обобщить. В Ангарске надо бороться против всей, а не только против ядерной болезни, потому что город весь находится под этим влиянием.

И последний эпизод, который стоит рассмотреть - это пожар на кабельном заводе в городе Шелехов в декабре 1992 года. Вот это была серьезная штука. Я так понимаю, что все сотни ребят - пожарников, которые участвовали в тушении пожара, все были отравлены диоксинами, многие из них уже умерли, хотя были тогда - в 1992 году - молодыми. Они ко мне приезжали, рассказывали. Там не только местные, пожарные были со всей области. Тот пожар случился на заводе, который делал кабели, и там были запасы оплетки и поливинилхлорида. Загорелся весь запас поливинилхлорида. То есть при пожаре однозначно образовались токсичные диоксины. Если бы это было в США, американские профессора миллионы долларов выкачали бы из правительства на реабилитацию. Мы пока не выклянчили и рубля из нашего родного правительства на эту тему. Мы об этом даже не говорим. А катастрофа эта была мирового масштаба. Когда мы говорим о диоксинах в мире, мы сразу называем Севезо в Италии. Так вот, там, в Шелехове в 1992 году случилась катастрофа именно такого масштаба.

Итог таков - диоксиновое загрязнение есть везде. И на Усольском заводе, и на хлорном заводе под Саянском, но основное «месторождение» диоксинов было, есть и будет в районе этого пожара.

Я нарисовал безрадостную картину о том, какое отрицательное воздействие на Иркутскую область оказала деятельность военно-промышленного комплекса. Собственно вот это я и хотел заявить.

Автор: Артур Скальский © Байкальская экологическая волна ЭКОЛОГИЯ, БАЙКАЛ 21999 17.01.2008, 19:05
1321

URL: <https://babr24.com/?ADE=42634> Bytes: 24100 / 24100 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["БОГУЧАНСКАЯ ГЭС"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)